

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Л. В. Сидоренко

РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ СЛАВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В АНГЛИИ

Событие, известное в истории Англии как Славная революция, безусловно, является ключевым для всей британской истории. И как любое подобное событие, оно отличалось многофакторностью действий и широтой последствий. Однако в традиционной, особенно отечественной историографии в рассмотрении проблем Славной революции на первое место ставят конституционно-политические аспекты. С другой стороны, всё большее число историков интерпретируют Славную революцию как исключительно протестантскую, в которой защита как Церкви Англии, так и веротерпимости к протестантским диссидентам стояла на первом месте в мыслях её участников. При этом и члены официальной церкви, и нонконформисты оказались в авангарде сопротивления английскому королю Якову II, а много мирян рассматривали революцию прежде всего в религиозном значении¹. В связи с этим целью предлагаемой статьи является анализ основных религиозных аспектов данного события – Славной революции.

Начинать подобное исследование целесообразно с биографии монарха, свергнутого революцией. Несмотря на утвердившееся мнение о Якове II (годы правления: 1685 – 1688) как плохом короле, ранняя карьера младшего брата Карла II в качестве солдата и моряка обеспечила ему определённую популярность в обществе, и, основываясь на его качествах в тот период, не возникало сомнений, что со временем он имел возможность стать хорошим королём. Однако привлекательный образ Якова не смог пережить его обращения в католическую веру в 1673 г. Новая религия наследника престола встала на пути его полного принятия народом, и, самое главное, породила чрезвычайно острый конфликт внутри английского общества и политической элиты, связанный с религией наследника трона². Дело в том, что в течение ряда поколений англичане ассоцииро-

вали католическую веру с жестоким и тираничным правлением, и многие боялись, что вступление на трон католического монарха приведёт к фанатичному преследованию значительной части протестантского населения, потере традиционных свобод и гражданских прав, и подчинению страны католическим державам на континенте³. Папский Рим стал устойчивым образом врага, и вполне показательно, что Джон Эвелин, типичный представитель английского политического класса, писал об угрозах с его стороны: «Эмиссары и действия церкви Рима никогда не остановятся, до тех пор, пока они не сокрушат Англиканскую церковь...»⁴.

Развеять эти опасения новому королю так и не удалось. За три года своего правления Яков II **оказался в конфликте с большей частью политически сознательного населения**. Его попытки эмансипировать католиков были интерпретированы как атаки на права его подданных, на их собственность, на независимость законотворчества и судебной системы, и через это на протестантскую веру, которую большинство англичан рассматривали как единственно истинную форму христианства. В этих условиях взгляды подданных обратились на Вильгельма Оранского. Надежды были небезосновательны, т.к. он являлся протестантом и главой протестантского государства, имел династические права – его супруга Мария как дочь Якова II числилась следующей в порядке наследования трона⁵. Таким образом, религиозный фактор оказался решающим в привлекательности альтернативного кандидата на английский престол. При этом нельзя утверждать, что Вильгельм был фанатичным протестантом: при необходимости он не выступал врагом католицизма и не вынашивал подобно Людовику XIV идеи распространения своей религии по всей Европе. Он скорее следовал популярной в то время в европейской политике идее баланса сил. От Вильгельма ждали решительных действий не только протестанты: лидеры европейских стран считали, что заняв английский престол, Оранский станет сильным противовесом Людовику XIV⁶. Но для занятия этого трона важно было быть именно протестантом.

Сказался религиозный аспект и на степени одобрения действий голландского статхаудера со стороны разных партийных группировок английской политической элиты – вигов и тори. Одной из наиболее замечательных черт вторжения Вильгельма в Англию в 1688 г. была степень поддержки, которую он получил как от тех, так и других. В течение крайне короткого периода времени старые политические враги объединились для защиты религии страны и аргумента, что Якову нельзя больше доверять в осуществлении неконтролируемой монархической

власти⁷. Вескость торийских и англиканских политических принципов была подорвана католической политикой монарха. Враждебная торийская реакция разочаровала Якова, но никаким образом не испугала его, и с 1685 г. тори стали демонстрировать ему пределы своей лояльности⁸. Дело в том, что торийские сторонники короля являлись прежде всего приверженцами англиканской церкви. И хотя Яков обладал самым легитимным положением на троне и защищал сильную монархию, что импонировало тори, многих из них смущала его веротерпимость к католикам, которых англичане боялись. В то же время виги, защитники веротерпимости и сильного парламента, столкнулись с похожей дилеммой, хотя и по другим причинам. В то время как веротерпимость Якова их ободряла, им не нравились его попытки усилить монархию. В результате этих трений монарх искал поддержку сперва в одном лагере, потом в другом, и, в конце концов, обнаружил себя лишённым поддержки в обеих группах⁹. Многие тори приняли интервенцию Вильгельма Оранского как только она произошла, по той простой причине что к этому моменту накопились серьёзные трения с Яковым II, прежде всего по религиозному вопросу. Тори были утрачены атакой Якова на официальную Англиканскую церковь, которая для них являлась государствообразующим стержнем. В решении этого вопроса с тори-политиками объединились представители англиканского духовенства, большинство которого вошло в единую команду с целью защитить церковь, которая, как они считали, находилась в опасности¹⁰. Таким образом, не обеспечив гарантии доминирующего положения Церкви Англии, заигрывая с католиками и позже с диссентерами, Яков потерял расположение той группы политической элиты, которая традиционно считалась прокоролевской силой.

Что касается взаимоотношений монарха с вигами, отставки Кларендона и Рочестера в январе 1687 г. обозначили конец попыток Якова достичь своих целей через кооперацию с тори. Теперь он обратился к вигам, чьи связи с диссентерами делали их привлекательными для проведения политики веротерпимости. В апреле 1687 г. была издана первая декларация об индульгенции, приостановившая карательные законы против католиков и диссентеров, и в следующие месяцы Яков приказал освободить из заключения ведущих неконформистов и попросил у них поддержки. Некоторые из них, включая Уильяма Пенна, поверили в то, что Яков искренне защищает веротерпимость, но большинство отнеслись к этому скептически. Они скорее находились под впечатлением от анонимно опубликованного памфлета «Письмо к диссентеру», автор которого,

маркиз Галифакс, напоминал нонконформистам, что «вас поэтому так лелеют сейчас, чтобы только можно было лучше раздавить в другое время»¹¹. А Джон Эвелин прокомментировал предлагаемую веротерпимость следующим образом: «Она была безоговорочно получена папистами, думающими посредством неё разрушить Церковь Англии, являющуюся теперь единственной церковью, которая так превосходно и активно противостоит их суеверию»¹². Всем казалось, что восстановление католицизма в Англии и избавление от англиканской церкви было закомуфлировано легализацией и свободой деятельности нонконформистских сект. К тому же практика усилившихся преследований протестантов во Франции давала пищу для размышлений¹³. Параллельно с религиозной политикой Яков продолжил менять выборные хартии округов и даже предпринял попытку установить контроль над выборами в графствах, но неудачно. В мае 1688 г. была издана вторая декларация об индульгенции и дано обещание, что парламент, распущенный ранее, соберётся не позднее ноября¹⁴. Эти шаги предпринимались королём с целью сохранить привлекательность в глазах части политической элиты, но как оказалось, к моменту начала активных действий принца Оранского сторонников сохранения режима осталось немного.

Анализируя революционные события, не стоит забывать, что хотя в целом Славная революция считается результатом сговора верхов, народные низы достаточно активно обозначили свою позицию, и она, прежде всего, была антикатолической. В течение осени 1688 г. наблюдалось постоянно увеличивавшееся число антикатолических выступлений, начиная от изолированной агрессии против отдельных персон и атак на часовни до полномасштабного разрушения и почти анархии, пик которой был достигнут 11 декабря. Пресса того периода пестрила сообщениями об антикатолических акциях во многих графствах страны¹⁵. При этом одним из способов привлечения общественного мнения на сторону революции стала пропаганда защиты протестантского дела. Так, например, зимой и весной 1689 г. вышло в свет шесть сборников предсмертных речей людей, казнённых в предшествующее десятилетие за защиту протестантизма и английских свобод. Эти сборники, иначе мартирологи, стали частью вигской пропаганды и являлись творением вигского издателя Джона Дантона и вигского полемиста и бывшего участника мятежа Монмута Джона Тэтчина. Они пользовались большим успехом, что вдохновило на дальнейшее издание настоящей мартирологии борцов за веру¹⁶. Мартирологи подтверждали правоту революции 1688-1689 гг. Рисование в них

варварства Стюартов в 1680-е гг. убеждало в скептическом отношении к старому режиму и поддерживало волнение. Эффективность мартирологов заключалась в их возможности манипулировать популярными тогда жанрами мученической легенды и предсмертными речами у эшафота¹⁷.

Также стоит отметить и пропаганду самого Вильгельма Оранского, который до и во время вторжения активно взывал к протестантским чувствам англичан. В своей первой декларации к общественности Англии Вильгельм особо выделял религиозные проблемы, отмечая попытку злых советников Якова II изменить вероисповедание страны, а через это ниспровергнуть установленную религию, законы и свободы, притом в документе эти три понятия постоянно объединялись¹⁸. Аналогичная религиозная пропаганда голландского статхаудера распространялась и на Шотландию, где изначально настороженно отнеслись к будущему вторжению: никто не знал точных планов Вильгельма, кроме лишь тех фактов, что он был протестантом и иностранцем. Чтобы выиграть информационное пространство, 10 октября голландский статхаудер специально издал прокламацию для народа Шотландии, в которой утверждалось, что цель его вооружённого предприятия заключается в сохранении протестантской религии и восстановлении законов и свобод подданных. Несмотря на запрет распространять и читать эту декларацию, вскоре вся Шотландия о ней знала¹⁹. И опять же религия оказалась важной составляющей успеха революции на севере Великобритании.

Говоря о юридически оформленных последствиях Славной революции, не стоит забывать о том, что кроме широко известного Билля о правах имелись и другие законы. В сфере религии аналогичным по значимости документом стал Акт о веротерпимости 1689 г. Он являлся кульминацией почти сорокалетней борьбы протестантов неангликанского вероисповедания за легальное право официально практиковать свою религию без наказания. Акт решительно подорвал позиции официальной Церкви Англии, разрушив её статус как единственно законной церкви, при этом сделав то, чего добивался ещё Яков II. Однако это не осложнило связи между церковью и государством и не дало полного политического членства в английском обществе тем, кто остался вне утверждённой конфессии²⁰. Хотя вместе они составляли только около 8 % всего населения страны, их влияние было непропорционально большим, так как из-за них пришлось отказаться от надежд на религиозную гомогенность королевства. Интересно, что наиболее громкое выражение критики победившей революции можно было услышать именно в религиозном аспекте. В этом

контексте достойны упоминания так называемые «неприсягнувшие» (буквально нон-юроры – non-jurors). В 1689-1690 гг., когда подданным были предложены новые клятвы верности Вильгельму и Марии, около 400 клириков из принципа заявили, что их присяга Якову II, несмотря на его бегство, остаётся всё ещё в силе, и что новая присяга будет считаться противной всем священным установлениям. О влиятельности этой схизмы говорит тот факт, что во главе раскольников стоял сам архиепископ Кентерберийский Вильям Санкрофт, а также ещё семь епископов. Неприсягнувшие сознательно образовали маленькую церковь в церкви²¹, и их деятельность омрачила триумф Вильгельма Оранского.

Взаимовлияние религии и революции проявляется и в династическом вопросе. Хотя протестант Вильгельм Оранский был провозглашён королём, свергнутый Яков и его сын на долгое время стали стабильной угрозой трону, возглавив движение якобитов. При этом в момент бегства Якова якобитская партия состояла в большинстве своём из католиков. Её ядро выросло, когда захваченного Якова возвратили в Лондон. Партия была на самом деле гораздо больше, чем об этом принято говорить. Она обладала заметным влиянием в палате общин и ещё большим в палате лордов, что заметно по голосованиям²². Эта партия не была однородной: старая школа якобитской историографии описывает две фракции внутри самого якобитского движения – компаудеров (конституционалисты, которые защищали возможность уступок со стороны Якова чтобы вернуться к власти) и нонкомпаудеры (абсолютисты, выступающие против всякого компромисса). При этом нонкомпаудерами как раз выступали католики²³. Учитывая, что никто из претендентов не решился на возвращение к протестантской религии, что по мнению многих открыло бы им дорогу на престол на фоне непопулярных иностранцев в лице Вильгельма и ранних представителей Ганноверской династии, религиозный аспект движения якобитов выдвигается на первое место.

В заключении можно отметить и влияние Славной революции на положение самих священнослужителей. В течение многих поколений трон и алтарь стояли в непосредственной близости, как во власти, так и вне её. Но в революцию 1688-89 гг. многие доктрины церкви вошли в стадию жестокой проверки, и духовенство отвечало на это по-разному. Некоторые, вдохновлённые преданностью теологическим принципам, становились неприсягнувшими; другие продолжали придерживаться тех латитудинарских идеалов, которые ослабили их лояльность в переломный период развития страны. Многие стали бескомпромиссными эрасти-

анцами, как того требовали обстоятельства, хотя ранее являлись последователями высокой церкви или защитниками веротерпимости. Другие всё ещё приспособливали лояльность принципам высокой церкви с рациональностью²⁴. Революция заставила их более рельефно обозначить свои религиозные и идейные позиции, а также ещё более сблизиться с государственными проблемами. Стоит добавить, что значительная часть острых религиозно-политических дебатов того времени сконцентрировалась на обсуждении следующей проблемы: возможна ли в политически стабильных обществах свобода вероисповедания или религиозные различия подрывают политическое и социальное равновесие? Примечательно, что среди широко используемых аргументов в пользу религиозной нетерпимости преобладали политические доводы. Утверждения о том, что диссентеры опасны т.к. они «...бунтовщики, развязавшие войну против своего короля и ввергнувшие страну в кровавый хаос революции, а их религиозные собрания не что иное как рассадники антиправительственных идей» были широко распространены²⁵. В этом смысле революция породила долгие споры по католическому и диссентерскому вопросу.

Подводя итоги статьи, нужно отметить следующее. Во-первых, не вызывает сомнений, что политические и религиозные аспекты Славной революции находились в тесной взаимосвязи, настолько тесной, что вполне логично и справедливо использовать утвердившееся в англоязычной историографии понятие «Церковь и государство», часто применяемое к системе британской государственности, прежде всего XVII-XIX вв. Во-вторых, выступая с религиозными лозунгами, революция тем не менее, не полностью обеспечила безопасность официальной церкви страны, хотя и дала гарантии протестантской религии в целом. Это привело к тому, что если ко времени Славной революции религия была в течение почти полтора столетия наиболее устойчивой и очевидной угрозой в британской политической истории, то к 1714 г. (после окончательного решения династического вопроса) всё изменилось. Религиозные вопросы, благодаря чёткому, но не бесспорному, церковному установлению, теперь едва беспокоили общество, за исключением нескольких неожиданных всплесков, случавшихся время от времени, вроде отмены акта о присяге или освобождения квакеров²⁶. Таким образом, одна из главных задач Славной революции – обеспечение общей религиозной стабильности на основе политического и канонического доминирования Англиканской церкви при условии сохранения веротерпимости к другим протестантским деноминациям, была решена.

¹*Gibson W.* Dissenters, Anglicans and the Glorious Revolution: The Collection of Cases // *The Seventeenth Century*. Vol. 22. №. 1. Spring 2007. P. 168.

²*Marshall A.* The Age of Faction. Court Politics, 1660-1702. Manchester – New York, 1999. P. 134-135.

³*Claydon T.* William III and the Godly Revolution. Cambridge, 1996. P. 7.

⁴2d October, 1685 // *The Diary of John Evelyn* / Ed. from the Original MSS. by William Bray. In Two Volumes. Vol. II. 1665–1706. New York – London, 1901. P. 238.

⁵*Claydon T.* William III... P. 8.

⁶*Ивонина Л. И.* Международные отношения в Европе конца XVII в. и Славная революция в Англии 1688–89 гг. Смоленск, 2001. С. 34.

⁷*Claydon T.* William III... P. 148.

⁸*Jones J. R.* Country and Court. England, 1658-1714. Cambridge (Mass.), 1978. P. 217, 232.

⁹*Dolan Jr. R. L.* Buttressing a Monarchy: Literary Representations of William III and the Glorious Revolution. A Dissertation Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. Georgia State University, 2005. P. 20–22.

¹⁰*Claydon T.* Europe and the Making of England, 1660-1760. Cambridge, 2007. P. 243, 318.

¹¹Цит. по: *Lockyer R.* Tudor and Stuart Britain: 1471–1714. London, 1977. P. 360.

¹²10th April, 1687 // *The Diary of John Evelyn*... Vol. II. P. 263.

¹³*Ивонина Л. И.* Указ. соч. С. 29.

¹⁴*Hill C.* The Century of Revolution, 1603-1714. London – New York, 2006. P. 198.

¹⁵*Sachse W. L.* The Mob and the Revolution of 1688 // *The Journal of British Studies*. Vol. 4. №. 1 (Nov., 1964). P. 26, 31.

¹⁶*Zook M.* “The Bloody Assizes:” Whig Martyrdom and Memory after the Glorious Revolution // *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies*. Vol. 27. №. 3 (Autumn, 1995). P. 375-376.

¹⁷*Ibid.* P. 384.

¹⁸The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803. From Which Last-Mentioned Epoch it is Continued Downwards in the Work Entitled «The Parliamentary Debates». Vol. V. Comprising the period from the revolution, in 1688, to the accession of Queen Anne, in 1702. London, 1809. Col. 1-2.

¹⁹*Barnes R. P.* Scotland and the Glorious Revolution of 1688 // *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies*. Vol. 3. №. 3 (Autumn, 1971). P. 118.

²⁰*Schochet G. J.* John Locke and religious toleration // *The Revolution of 1688-1689: Changing perspectives* / Ed. By Lois G. Schworer. Cambridge – New York – Port Chester – Melbourne – Sydney, 2003. P. 147.

²¹*Hoppit J.* A Land of Liberty? England 1689-1727. Oxford – New York, 2002. P. 216-217.

²²*Cherry G. L.* The Legal and Philosophical Position of the Jacobites, 1688-1689 // *The Journal of Modern History*. Vol. 22. №. 4 (Dec., 1950). P. 310.

²³*Szechi D.* A Blueprint for Tyranny? Sir Edward Hales and the Catholic Jacobite Response to the Revolution of 1688 // *The English Historical Review*. Vol. 116. №. 466 (Apr., 2001). P. 349.

²⁴*Mullett C. F.* A Case of Allegiance: William Sherlock and the Revolution of 1688 // *Huntington Library Quarterly*. Vol. 10. №. 1 (Nov., 1946). P. 83-84.

²⁵*Эрлихсон И. М.* Основные направления общественно-политической и экономической мысли Англии периода Реставрации и конца XVIII в.: Учебное пособие. Рязань, 2004. С. 19-21.

²⁶*Holmes G.* Religion and Party in late Stuart England // *Holmes G. Politics, Religion and Society in England: 1679-1742*. London, 1986. P. 182.